

Сайлас вряд ли хотел, чтобы вьюга едва не похоронила его заживо, но вьюга, едва не похоронившая его заживо, была тем, что он получил. В середине ночи на вершине крошечного выступа, который он использовал для отдыха, его разбудили звуки шипящего ветра, который пронесился по горным тропам, унося с собой снежные заносы. Порывы ветра достигали сотни метров секунду, и вскоре начался снегопад. К этому добавился горный снег, и он быстро превратился в бурю.

Ему пришлось с помощью магии вырыть яму в склоне скалы, чтобы зацепиться за нее, потому что иначе он слетел бы сам, увлекаемый ветром. Его пальцы вскоре начали кровоточить и сливаться с тающим льдом, а капли воды приобрели розоватый оттенок, пока он держался за свою жизнь. Он чувствовал это, каждый удар - ветры были подобны ножам, режущим его кожу, и хотя она была прочной, превосходящей даже доспехи, она все еще не была идеальной защитой.

Кровь вскоре начала сочиться из многочисленных порезов, и ему пришлось стиснуть зубы от морозного, жгучего ощущения, расплзающегося по всему телу, словно армия плотоядных муравьев вторглась в него. Несколько часов прошли в мучениях, но он держался - до тех пор, пока ветер не утих и метель не превратилась в "просто" снегопад. Вытащив руку из ямы, он понял, что два пальца сломаны, а один, похоже, почти омертвел от мороза. Вздохнув, он направил в него кровь, и тот начал медленно заживать. Таков был путь магии - неестественный.

Не раз он чувствовал себя "не в своей тарелке", исцеляясь таким образом, но теперь это стало его второй натурой. Его тело действовало по инстинкту даже раньше, чем он думал об этом - в лучшем случае, он мог либо замедлить, либо ускорить процесс, но никогда не предотвратить его.

Сидя прямо, он выглянул за край и увидел, что вид очистился - туман начал подниматься вверх, снег стал редеть, и внизу раскинулся полог леса. Он был по-прежнему без зелени, покрытый белым снегом, но был как крыша для мира внизу. Словно по волшебству, с далекого востока начали проступать краски, и солнце стало подниматься из-за горизонта. Оно было мягким и одновременно твердым, прохладным и одновременно теплым.

Он забыл о таких моментах, как эти. Один, в тишине, благословленный студеным спокойствием. Его дыхание незаметно успокоилось, а взгляд приковался к далекому краю мира. В этом зрелище было что-то стальное - искрящийся свет, который холодил, гудящая тишина слабого ветра, небытие окружающего мира. Он был один на вершине горы, окруженный неживой природой, вдали от любых признаков жизни, казалось. И все же это был не ад.

Просидев почти час, наблюдая, как солнце медленно поднимается в небо, он словно очистил часть себя. Внезапно он смог мыслить более ясно, и его разум не был так затуманен. Тем не менее, это красивое зрелище вряд ли было лекарством от его многочисленных демонов. Хотя он и заглушил их на мгновение, они вернуться - он знал. Ему достаточно было взглянуть вверх, за расщелину между горами, на статный шпиль вдали, где жили эти демоны... и внезапно его гнев снова разгорелся.

В глубине души он понимал, медленно вставая, потягиваясь и готовясь возобновить подъем: он никогда не избавится от них. Эти демоны, вместе с воспоминаниями, всегда будут его частью. Но он мог контролировать их - держать их в узде, как вечный огонь, пылающий под ним.

Цепляясь за безлестничные склоны скал и крошечные скальные выступы, он продолжал карабкаться на покрытого инеем гиганта. Это был изнурительный, даже болезненный процесс, в результате которого он нередко делал вынужденные перерывы, когда ему приходилось висеть на одной руке, чтобы вылечить другую, прежде чем поменять их местами, так как его руки часто были в рваных ранах и обморожены.

Однако постепенно земля внизу отдалялась - сотня футов, затем две, три, пять, и вскоре она превратилась в целую милю. По его подсчетам, он находился примерно на полпути вверх по той стороне, на которой находилась расщелина, где, казалось, был ровный уровень земли.

Он поднимался молча, бездумно, используя этот момент как отсрочку от реальности, которая ждала его за его пределами. Каким бы ни был исход, он знал, что к концу этого пути огромное количество людей будет мертво. И хотя он знал, что ему придется повторять этот цикл еще

много-много-много раз, был только один первый раз.

Быстро пролетели часы, и он закончил подъем - по крайней мере, начальный, - приземлившись на платформу из камня, которая переходила в квази-горную тропу с сильным уклоном. Повсюду торчали ледяные шипы, словно колючки, и хотя большая часть вида была скрыта под слоями тумана, кое-что было видно. С некоторым трудом Сайлас пробился по "дороге", огибая тонкие и длинные водопады, несколько раз едва не поскользнувшись и не упав в смертельную пропасть.

Вскоре он обогнул гору и оказался на спуске - который, к его большому негодованию, оказался вполне нормальным горным спуском без крутых обрывов и зубчатых скал. К счастью, ветер не дул "вглубь", как будто окружающие его горы защищали его от этого ужаса.

Через несколько часов он остановился, приземлившись на расширенную платформу, соединяющую более дюжины ледяных мостов над огромной пропастью. То, что предстало перед ним, было весьма интересным зрелищем - платформы возникали из бездны как плавучие острова, а естественные мосты между ними служили единственным средством передвижения. Острова различались по форме и размерам, а также по высоте, и нетрудно было понять одну простую истину: все это не было сделано человеком. Хотя так казалось, все было слишком... нерукотворным, чтобы его могла построить чья-то рука.

На нескольких островах из земли, словно цветы, "росли" мерцающие голубые кристаллы, но дальше был только толстый слой снега и ледяной покров. Он начал перепрыгивать острова, двигаясь вперед. Расстояние было весьма обманчивым; хотя центральная "гора" казалась просто "за холмом", он быстро понял, что причина этого в том, что она была просто... безумно массивной. Чем ближе он подходил, тем большее потрясение испытывал от этого зрелища - гора, в конце концов, легко перевалила за десять тысяч футов... примерно на середине своего пути.

Странная форма горы становилась все более отчетливой, чем ближе он подходил, так как он начал видеть больше деталей, а не только общие очертания. Больше всего, пожалуй, бросались в глаза многочисленные отверстия в боку одинокого прямого наконечника копья, некоторые из которых время от времени слабо мерцали.

Это лишь подтвердило его подозрение, что тот, за кем он охотится, скорее всего, живет здесь. Это было практически идеальное место, в стороне от всех, разросшееся, скрытое до безумия. Если бы ему не указали прямо в этом направлении, и если бы он случайно не заглянул в горы, у него не было бы ни единого шанса обнаружить это место. Он полностью исключил поход в горы из своих планов на будущее с тех пор, как поднялся к скрытому озеру и portalу.

Хотя знания, полученные им, были довольно богатыми, само восхождение почти вымотало даже его. Тем не менее, он завершил еще одно восхождение - или, в общем, был где-то в четверти от него. Глядя вперед, он сдерживал свой гнев: еще слишком рано терять себя, особенно если учесть, что он действительно может не дойти. В конце концов, у него закончилась еда - полностью. Хотя он еще мог растопить снег и выпить его, есть ему было нечего. И хотя его тело могло продержаться долго, у него все же был предел - он подозревал, что сможет продержаться не больше месяца, но это было лишь в вакууме.

Учитывая его ежедневный расход энергии при ходьбе по застекленной пустыне, если она не уменьшится совсем, он может не протянуть и половины этого срока. А последнюю схватку он, скорее всего, проведет, валяясь и ожидая смерти, поскольку у него просто не будет сил двигаться.

Поэтому он делал перерывы каждые пару часов, хотя и не был уверен, насколько они помогают. Один "остров" за другим пересекались, и каждый был до безумия похож на другой. Через некоторое время даже он начал терять терпение - повторение одних и тех же достопримечательностей, изнеможение от холода, все более разочаровывающее осознание того, что он находится гораздо, гораздо, гораздо дальше от горы, чем предполагал вначале. Тем не менее, он продолжал идти.

И не прошло и двух недель, как его настойчивость окупилась - он начал слышать голоса. Сначала он подумал, что его разум взял верх над ним - что ветры вдруг научились говорить. Однако, подойдя ближе, он понял, что это были настоящие голоса - голоса людей. Первой встречей была дюжина или около того людей в черных одеяниях, идущих с одного острова на другой. Но что особенно выделялось, так это то, что на обоих островах было нечто большее, чем просто кристаллы и снег. Он увидел дома.

Он приостановился и спрятался за камнем, сглатывая свое волнение. На самом деле, его меньше волновало то, что он нашел людей, а больше то, что он, скорее всего, нашел еду. В конце концов, они тоже были людьми - им нужно было есть. И вот он дождался ночи и медленно пробрался на один из островов. К счастью, там не было ни охраны, ни сторожей. Да и зачем они были нужны? Они думали, что отрезаны от мира и что никто никогда не придет. Но Сайлас пришел.

Прокравшись в первый дом, он сразу же увидел трех человек, крепко спящих на общей подстилке из соломы на полу. Не раздумывая, он подошел и быстро и бесшумно убил всех троих. Недалеко от них на круглом деревянном столе стояла миска с фруктами. Несмотря на то, что это были всего лишь несколько жалких кусочков фруктов, он набросился на них, как будто это были дорогие стейки. Он почувствовал себя посвежевшим, когда соки проникли в его горло, а в желудок попала первая за несколько недель твердая пища. В каком-то смысле он заново родился и был готов к гораздо большему, чем просто к трем еще не остывшим трупам. Чистка, в конце концов, вот-вот должна была начаться.

<http://tl.rulate.ru/book/66231/2039303>